

жизнь. Второму сейчас 18 лет. Вскоре после его рождения мама вышла замуж и взяла сына с собой в Париж.

— *Сами часто ездите за границу?*

— С 89-го года часто, а раньше был невыездным. Сейчас об этом даже смешно говорить. Мой друг Феликс Камов, потрясающий писатель, историк, в течение многих лет хотел уехать в Израиль, но его не выпускали, и когда наконец позволили, он сказал замечательную фразу: «В стране, из которой в любой момент возможно уехать, оказывается, можно и жить постоянно».

— *Аркадий, на чем останавливался ваш острый взгляд писателя-сатирика в зарубежных поездках?*

— Да много было всякого. По сути все уже описано Ильфом и Петровым. А со мной, например, была смешная история в Нью-Йорке. Иду однажды

— *А что, кстати, вы сейчас пишете?*

— Серьезную книгу, посвященную жизни Михаила Таля. Меньше всего там будет о нем как о выдающемся шахматисте. Это некий взгляд со стороны на судьбу и личность незаурядного и загадочного человека. Особенность книги в том, что она написана от лица его первой жены. Я специально ездил к ней в Антверпен, кое-что записал. Мне это было несложно, потому что я знал их — его и ее — еще в том возрасте, когда они только познакомились. Прожив вместе недолго, они сохранили удивительные, не поддающиеся нормальной логике взаимоотношения. Книга не будет обычной литературной записью, это гораздо более сложное произведение.

— *Похоже, вы очень расширили сферу своей деятельности — занялись серьезной прозой, начали петь...*

раординарные обстоятельства помешали мне стать настоящим музыкантом. Я был принят в гнесинскую десятилетку незадолго до начала войны, которая и перепутала все карты. Когда война закончилась, было уже поздно по возрасту получать музыкальную профессию. Поэтому у меня к музыке осталась только любовь.

— *Вы же по основной профессии врач? Почему пошли в медицину?*

— Вообще-то я к концу школы очень сильно увлекся шахматами. Настолько, что родители вмешались в этот процесс и забрали меня из профессиональных шахмат, а я не оказался достаточно сильным, чтобы противостоять. Это сейчас считается престижной профессией, а тогда... Знаете, порой спрашивают: «Вы — кто?» — «Писатель». — «Ну это понятно, а работаете кем?» Вот так и про шахматы

— *Так и не работали?*

— Проработал три года терапевтом в Тимирязевском районе.

— *В жизни доводилось применять профессию на практике, к примеру, оказывать экстренную помощь?*

— Были случаи, когда навыки пригодились, но слава Богу, это не касалось вопроса жизни и смерти. Однажды в самолете женщина потеряла сознание, и у нее начались судороги. Я догадался, что это симптомы наркотической абстиненции, нашел в аптечке нужную таблетку и дал ей. Все обошлось. Иногда я могу поставить правильный диагноз, если кто-то из друзей обратится, но уже не знаю, как надо лечить.

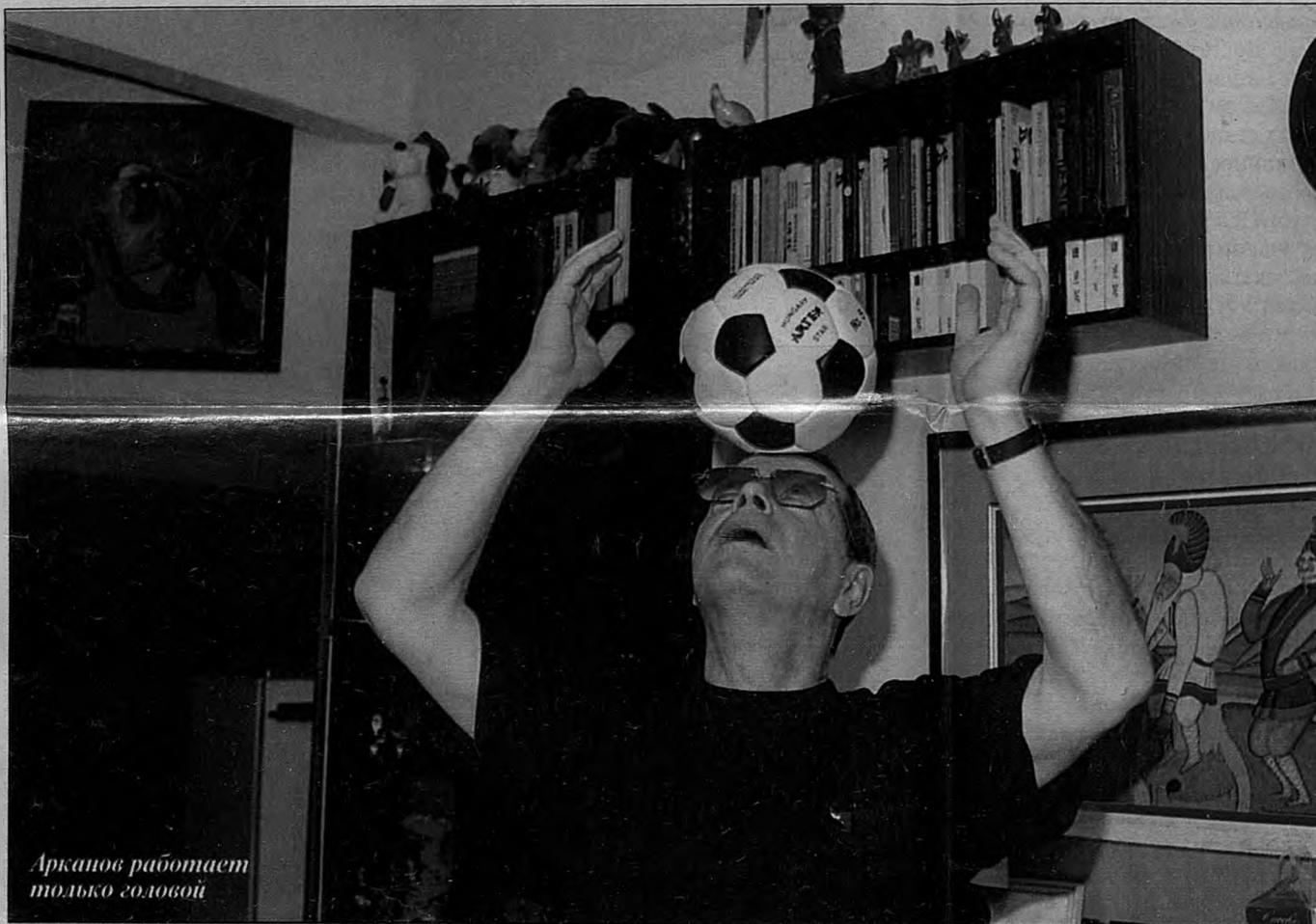
— *Одно время вы дружили с Григорием Гориным, у вас сложился замечательный альянс. Почему он распался?*

— Мы с ним не ссорились, ничего такого не было. Просто стали взрослее и каждого потянуло в свою сторону. Его захватила драматургия и кинодраматургия, а меня больше привлекла проза — рассказы, ироническая фантастика. Если бы нам хотелось продолжать работать на эстраду, мы бы не разбежались. Это всегда легче делать вдвоем.

— *Тем более что у вас вдвоем получались отличные результаты. Достаточно вспомнить «Маленькие комедии большого дома».*

— Это была третья пьеса, а самая удачная — первая, «Свадьба на всю Европу». Потрясающая комедия, ее тогда поставили чуть ли не во всех театрах Союза. Удивительно, но в ней ничего не устарело и сейчас. А была еще одна пьеса «Банкет». В постановке Марка Захарова в Театре сатиры она прошла с бешеным успехом 13 раз, после чего ее удавили. На спектакль пришел тогдашний министр финансов Гарбузов с двумя дочками, которых пригласил Миша Державин, игравший в этой постановке главную роль. Они дружили домами, потому что Миша тогда был женат на дочери Семена Михайловича Буденного. Такие правительственные друзья.

В антракте Гарбузов поблагодарил Державина, сказал ему теплые слова и ушел. Ночью этого же дня он позвонил министру культуры Фурцевой и то ли в шутку, то ли по пьяной лавочке сказал: «Посмотрел я тут спектакль... Если так будет продолжаться, я перестану финансировать вашу культуру». Наутро Екатерина Алексеевна проводила коллегию министерства. Рассказывают, что была в очередной раз немножко «с бодуна-с» и, стало быть, не в очень хорошем настроении. Один из ее замов по фамилии Владыкин, в возрасте лет 70, что-то вякнул поперек ее доклада и попал под горячую руку. Будучи женщиной импульсивной, она прокричала, что ему уже давно пора на пенсию, он только коптит небо и не ведает, какие безобразия происходят в Театре сатиры, тогда как ей звонят возмущенные члены ЦК, уважаемые люди. Резюме:

Арканов работает только головой

по улице, где промышляют наши эмигранты. Вдруг хозяин какой-то лавки меня останавливает: «Товарищ Арканов, здравствуйте. Давно ли вы у нас, надолго ли — насовсем или так, погостить?» Я объяснил, что приехал в гости. Поговорили о том, о сем, он пригласил заходить, обещал сделать скидку на покупки, и так далее. Во время разговора рядом стоял пожилой мужчина, похоже, отец моего собеседника. Когда я отошел, слышу такой диалог. Старик спрашивает: «Кто это такой?» Сын отвечает: «Как, ты не знаешь Арканова? Это же известный писатель из Советского Союза!» — «А что он такое написал?» И тогда молодой говорит: «Ну откуда я могу знать, что он написал?!» Это меня очень позабавило.

— Петь я не начал. В том смысле, чтобы за какие-то определенные действия с голосовым аппаратом получить деньги. Я за свое пение не заработал еще ни одного рубля. Все произошло совершенно случайно. Мой друг Игорь Крутой как-то показал мне одну из своих песен и сказал, что не знает, кто бы мог ее спеть. Я предложил себя. Тут он и говорит: «Зачем тебе петь чужие тексты? Напиши свои, и мы сделаем несколько песен». Это был замечательный эксперимент, по моему, удачный. Скоро выйдет компакт-диск. А на публике я никогда не пел. Так что это для меня просто очередное увлечение, которое, кстати, возникло не на ровном месте. Я с детства считался обладателем незаурядных музыкальных способностей, и только экстр-

тогда говорили. А что касается медицины, то в школе я заинтересовался вопросами высшей нервной деятельности, много читал, посещал лекции. И потом целенаправленно поступил в медицинститут. А там уже судьба совсем по-другому распорядилась. Я стал заниматься «капустниками», писал сюжеты для театрального коллектива, много текстов для песен. Среди них одна была очень популярна, ее пела грузинская девочка Ирма Сохадзе — «Оранжевая песня».

— *Прекрасно помню эту песню, но представления не имела, что вы автор.*

— Не только вы, многие, когда узнают, делают большие глаза... Но не в этом дело. Короче, к окончанию института я твердо знал, что врачом не буду.